

Т. Г. Михальчук, зав. кафедрой русского языка Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова, доцент, кандидат филологических наук

Ситуации речевого этикета в произведениях Виктора Драгунского и Барбру Линдгрэн

Высокая культура общения в наше время становится важной социальной характеристикой личности. Особенно существенной такая характеристика оказывается для личности учителя в национальной школе, чья профессиональная деятельность требует использования разнообразных форм общения и как средства воспитания, и как содержания обучения, направленного на развитие речи школьников. Овладение формами речевого этикета, а также методикой обучения этим формам общения должно стать составной частью профессиональной подготовки учителей в национальной школе [3].

Речевой этикет — важный элемент всякой национальной культуры. В языке, речевом поведении, устойчивых формулах общения отложились богатый народный опыт, неповторимость обычаев, образа жизни, условий быта каждого народа.

Необходимость специального обучения речевому этикету неродного языка подчеркивается многими исследователями (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Н. И. Формановская, А. А. Акишина, Е. А. Земская, А. П. Ступин, К. С. Игнатьев и др.).

Неразработанность культурологической проблематики затрудняет работу учителей. “Цикл дисциплин специального культурно-коммуникативного направления, который мог бы в соответствии со ступенью обучения включать такие предметы, как этика и этикет, речевое поведение, культура речи и общения, риторика и стилистика, не имеет научно-методической поддержки, не обеспечен книгами ни для учителя, ни

для учеников. Почти отсутствует методическая проработка коммуникативного потенциала традиционных школьных гуманитарных дисциплин” [7, с. 4].

Детские книги, как говорил великий русский критик-демократ XIX в. В. Г. Белинский, пишутся для воспитания, а воспитание — великое дело: им решается участь человека.

Виктор Драгунский и Барбру Линдгрэн правдиво, неназойливо решают эту проблему. Их произведения — это целый мир. И все настоящее в этом мире: горе и радость, боль и счастье, жестокость и доброта, культура и бескультурие.

Большое место в произведениях писателей занимают ситуации речевого этикета, этикетные слова и выражения. “Этикетные слова вроде бы не передают никакой информации, но тем не менее они обладают особой значимостью. Ведь люди небезразличны к тому, кто, как и в какой последовательности их приветствует, обращается к ним с просьбой или приказывает, благодарит за услугу или воспринимает ее как должное, просит прощения даже за невольный ущерб.

Если вдуматься в старое значение этикетных сочетаний, то становится ясным их глубоко доброжелательный смысл: здравствуйте — “будьте здоровы”, благодарю вас — “дарю благо, благополучие, успех”, всего доброго — пожелание хорошего, как и в приветствиях добрый день, доброе утро, добро пожаловать” [6, с. 9].

Пожалуй, лишь одному типу текста противопоставлен стандарт — тексту худо-

жественному. Чем талантливее автор, тем индивидуальнее его текст.

Ситуации речевого этикета писатели изображают не совсем обычно, с элементами неожиданности, с юмором.

Здесь взрослые понимают детей, а дети — живые, настоящие, непосредственные, наивные, фантазеры и выдумщики. Например, ситуация “одобрение, согласия”: *“Я буду искать золото”, — заявил Маттиас. Ведь он по-прежнему считал себя коллекционером именно золота — ни больше, ни меньше. Пелле Большой, судя по всему, одобрил увлечение. “Золото — оно никогда не лишнее”, — вполне серьезно заметил он. Или: вежливый отказ с мотивировкой (взрослые в подобных ситуациях причину отказа не называют, если их не обязывают, чтобы себя не скомпрометировать): “Если ты любишь собак, я тебе покажу мою”, — предложил полицейский, который угостил Маттиаса соком. “А какая у вас собака?” — “Овчарка”, — ответил полицейский. “Нет, спасибо, — отказался Маттиас, — я боюсь больших собак”. Полицейских это почему-то рассмешило — они все громко расхохотались. (Линдгрэн, Б. Маттиас и его друзья. — Петрозаводск, 1984.)*

В художественном произведении “язык отражен тройко — как живая речь, как литературная норма и как произведение искусства” [2, с. 257].

При изображении ситуаций речевого этикета писатели используют различные стилистические приемы: нестандартные речевые ситуации или нестандартное речевое поведение в этикетных ситуациях: *На переднем месте сидел водитель. Он протянул руку Маттиасу. “Здравствуйте!” — поздоровался Маттиас и пожал водителю руку. Тот засмеялся. “Здравствуй! — сказал он. — За проезд надо платить!” “Платить за проезд?” — Маттиас вытаращил глаза от изумления. А он и не знал. (Линдгрэн, Б. Маттиас и его друзья...)*

Нестандартная ситуация “Прощание на уроке”. *Когда Елизавета Николаевна вызвала Дениску к доске отвечать урок, Мишка ему прошептал: “Прощай, дорогой товарищ!” И сделал надгробное лицо. (Драгунский, В. Денискины рассказы. — Мн., — Юнацтва, 1986, рассказ “Тиха украинская ночь”.)*

Придя к больному Пончику домой, Маттиас и Пелле Маленький “смотрят на него с восхищением и завистью”.

Разговорная речь — это прежде всего речь диалогическая. В школьном курсе “Введение в риторику” авторы программы первого года обучения Т. А. Ладыженская, Г. И. Сорокина, И. В. Сафонова, И. В. Ладыженская разработали пункты “Основные риторические умения” в разделах “Общение” и “Речевые жанры”. Большое внимание уделяется в программе речевому этикету. К риторическим умениям в плане речевого этикета авторы отнесли следующие: определять степень вежливого поведения, оценивать его с позиции “вежливо—невежливо”. Оценивать уместность использования способа выражения приветствия, прощания, благодарности с точки зрения ситуации общения. Вступать в контакт и поддерживать его, умение благодарить, используя соответствующие этикетные формы. К риторическим умениям в разделе “Жанры” относятся: научиться распознавать этикетный диалог, оценивать речевое поведение собеседников, их словесную вежливость [5, с. 10—12].

Научить детей приобрести и закрепить риторические умения помогает не только живое общение, но и художественный текст. “Именно отражение в художественной литературе живой речи и литературной нормы делает художественный текст уникальным материалом при обучении языку” [4, с. 34].

Как и принято по неписанным правилам этикета у детей, в их коротеньких диалогах рядом с формулами приветствия стоят формулы прощания, другими словами, в одной речевой ситуации быстро сменяются речевые формулы. *“Это ты откуда?” Я говорю: “Из магазина. Помидоров купил. Здравсьте, тетя Дуся!” А она руками всплеснула: “Сам ходишь в магазин? Уже? Время-то как летит!” Удивляется. Человеку девятый год, а она удивляется. Я сказал: “Ну, до свидания, тетя Дуся”. И пошел. (“Не хуже вас, цирковых”.)*

Драгунский и Линдгрэн блестяще используют необычные и, может быть, несуразные для взрослых, но вполне приемлемые для детей формы успокоения, приглашения, совета, прощания, просьбы. Так, Дениска Кораблев успокаивает писа-

теля: *А я встал и сказал: "Иван Владиславович, не обращайтесь на Пузырькову внимания. Пожалуйста, не стесняйтесь. Заикайтесь сколько угодно". ("Независимый Горбушка").* Пелле Маленький (из повести Барбру Линдгрэн "Лето Маттиаса") дает своему другу, на его взгляд, разумный совет (речь идет о сестренке Маттиаса): *Брось ты эту Филиппу в мусорное ведро. Она только и делает, что целыми днями кричит да пищит. Тот же Пелле приглашает Маттиаса на свой день рождения так: Но ты можешь прийти ко мне на праздник, конечно, если купишь подарок. А прощаясь с Пелле Большим, своим дядей, он кричит ему вслед: "Привет твоей старушке-невесте!"*

О фантастичности и необычности детских просьб и манере их исполнения свидетельствует следующий пример: *Пелле мечтательно устремил свой взор вдаль. "Сделай так, господи, чтобы мне упало с неба мороженое большущее-пребольшущее", — неожиданно произнес он громким голосом.*

Нестандартный (неожиданный) ответ (например, в ситуации "Утешение") — тоже весьма распространенный стилистический прием. *Калле посмотрел на них своими маленькими печальными глазами. "У меня ведь нет папы!" — всхлипнул Пелле. "Да и на что они, эти папы нужны? Я слышал, будто они страшные надоеды. Хуже всяких мам", — весело возразил Пелле.*

Писатели успешно используют прием: неожиданная реакция на вежливый поступок (угощение, подарок и т.д.).

Так, Маттиас угостил Пончика печеньем. *"Ой, печенье!" — в восторге воскликнул Пончик. "Я испек его сам!" — скромно сообщил Маттиас. "Ну, это ничего!" — снисходительно отозвался, жуя печенье, Пончик.* (Здесь замена благодарности, похвалы или одобрения снисходительным прощением.)

Дениска тоже сделал "одолжение". *"На-ка вот тебе яблоко, съешь, подкрепи истощенные силы". Я не стал брать. "Возьми, пожалуйста, — сказала она, — для меня. Сделай одолжение". Ну, я сделал ей одолжение (переносное значение этикетной формулы воспринимается как прямое).* (Драгунский В. "Здоровая мысль".)

Умело пользуются писатели приемом противопоставления речевого поведения персонажей в одинаковых этикетных ситуациях. Так, в рассказе В. Драгунского "Дядя Павел истопник" резко противопоставлены два персонажа — Мария Петровна и дядя Павел. Ср. ситуацию "Приветствие". *Я сказал: "Здравствуйте, Мария Петровна!" Она ответила: "Да, да". И: Я люблю, как дядя Павел наклоняется ко мне и берет мою руку в свою, большую и теплую, и улыбается, и хрипло и ласково говорит: "Здравствуй, Человек!"*

Персонажи используют формулы речевого этикета не только по отношению к людям, но и к животным. Например, Сванте в зоопарке кричит обезьяне "Привет!". Маттиас извиняется перед кошкой за то, что у него нет больше кроветок. *Но кошка, наверное, ему не поверила и продолжала мяукать. Денискин папа здоровается со слоном в зоопарке: "Доброе утро, Шанго Махмудович!" И слон оглянулся и обрадовался, закивал головой. ("Слон и радио").*

Пелле выражает сочувствие и сострадание улитке, которая пускала пузыри, после чего он положил ее в больницу: *"Бедняжка, ей, наверное, очень плохо, — пожалел улитку Пелле. — Может, у нее оспа? Если ей лучше не станет, придется ей дать лекарство".*

Применяются и невербальные способы выражения прощания, благодарности, ласки, одобрения (отдал честь, пожал крепко руку, обнял, низко поклонился). *Он положил мне руки на голую спину, и я почувствовал, какая тяжелая и твердая у него рука, сухая, горячая и шершавая, а он прижал меня крепко к своей голубой рубашке, и он был весь теплый, от него пахло хлебом и табаком. Он так подержал меня немножко и сказал: "Ну, бывай, сынок. Смотри, веди хорошо". (Драгунский В. "Поют колеса тра-та-та").*

Заметим, что в произведениях Б. Линдгрэн часто встречаются улыбающиеся люди — незнакомый прохожий, полицейский, водитель, продавец, врач...

У В. Драгунского улыбающиеся взрослые встречаются редко. "Улыбка у многих народов играет заметную роль в коммуникативном поведении, являясь важным компонентом общения и даже его обязатель-

ным элементом. Русские, по мнению большинства иностранцев, не принадлежат к разряду улыбающихся народов, хотя общепризнанными являются такие традиционные качества, как доброжелательность, доброта, гостеприимство" [8, с. 54].

Национальная специфика русской улыбки состоит в том, что для нее должна быть причина. Не принято улыбаться незнакомым на улице. Улыбка не обязательный компонент вежливого общения. Русскими признается только искренняя добродушная улыбка.

И. А. Стернин отмечает и такую ее особенность: в русском общении не принята улыбка при исполнении служебных обязанностей. Если в большинстве зарубежных стран работники торговли, сферы обслуживания, все, кто работает с людьми, должны улыбаться на рабочем месте своим клиентам (чему специально учат и что входит в "должностные обязанности" таких работников), то в русском общении такая традиция отсутствует. И даже наоборот: считается, что, занимаясь ответственным, серьезным делом, сосредоточившись на нем, человек должен быть исключительно серьезным [8, с. 56].

Действительно, детям часто говорят: "Посерьезней, пожалуйста, ты ведь делом занимаешься! Не улыбайся!" Учителя на уроках делают замечания, если заметят, что дети улыбаются, призывая их сосредоточиться на работе: "Чему ты улыбаешься? Работай!" В сознании русских улыбка несовместима с серьезной работой. Принято, что на улыбку, смех и связанное с ними в сознании русского человека веселье необходимо особое, отдельное от работы время. "Делу — время, потехе — час", — гласит русская поговорка. Таковы уж наши традиции. И во всем этом есть доля истины. Но все-таки жаль, что среди межкультурных национальных стереотипов (американцы — деловые, англичане — чопорные, немцы — пунктуальные, шведы — сдержанные, французы — любвеобильные) русским людям отводят эпитет "мрачные". А уж если дети — мрачные, это должно вызывать тревогу.

Интересны и разнообразны в исследуемых произведениях формы обращения к детям. Обращение — это самый яркий и самый употребительный этикетный знак.

Обращаясь, мы одновременно называем и зовем адресата, привлекая его внимание.

Так, Дениску Кораблева папа называет сынок, брат, товарищ, студент, ваше высокоблагородие; мама — мой мальчик; дядя Миша — милостивый государь.

В повестях Б. Линдгрена взрослые тоже предельно добры и ласковы к детям.

Мама Маттиаса называет маленьких друзей своего сына "господами". Вот как заканчивался день у Маттиаса. *Когда Маттиас снова улегся в кровать, в комнату вошла мама. Она опустила шторы и положила его одежду на голубую скамеечку. "Спокойной ночи, спи сладко!" — сказала она. "Спокойной ночи, спокойной ночи", — послышался из столовой голос мамы. Потом дверь закрылась, и день кончился.*

Но добры к детям не только их близкие, родные, но и незнакомые люди. В магазине за прилавком стояла красивая тетенька-продавщица. Она, казалось, тоже была сделана из фарфора — личико белое, тонкое, а глаза голубые. В ушах у нее блестели жемчужинки, а на шее висела цепочка с золотым медальоном. "Что тебе надо, дружок?" — спросила она, ласково улыбаясь.

В повестях Линдгрена исключение составляет, пожалуй, только мороженщица. "А сегодня вы не дадите мороженого? — спросил он тетеньку в окошке. — Самое-самое маленькое!" "Опять ты здесь, попрошайка, — багровея от злости, закричала тетенька. — Убирайся отсюда и чтоб я тебя больше не видела!" Пелле поспешно вернулся к Маттиасу. "И почему это тетки, которые продают мороженое, всегда такие злые?!" — вздохнул он. (Ситуация — "Категорический отказ".)

Представляют интерес и необычные оценочные формы (выражение радости, восторга, одобрения) в речи детей: "О таких подарках я мечтал всю свою жизнь! Ко-ко-ко!" — прокудахтал Пелле и со всеми пакетами ринулся к столу.

У Драгунского: *Тогда Мишка говорит: "Люди добрые, как красиво!"* ("Сверху вниз, наискосок".)

Иногда речь детей в произведениях Драгунского представляет собой конгломерат вежливых и грубых форм как "зеркало" речи взрослых. ("Приветствие"): *Здравствуйте! Чего орешь, как дура?* ("Профессор кислых щей".) Или "Просьба": *Он положил руку на плечо этому парню и сказал дрожащим голосом: "Не вой-*

те, пожалуйста! Зачем вы так воете?" ("На Садовой большое движение".)

Разнообразны стилистические формы согласия с собеседником: абсолютное согласие: *О'кей. Идет!*; согласие-подтверждение: *"А что, трудный английский язык?" — спросил я. "С ума сойти", — вздохнул Павля. "Еще бы не трудный", — вмешался папа. ("Англичанин Павля").*

Формула "с ума сойти" вообще выражает неодобрение, отрицательную оценку, но в данном случае совпадает позиция говорящего и собеседника; согласие-разрешение: *Когда сели обедать, я сказал: "Я сегодня в гости пойду. К Мишке на день рождения". "Ну да? — сказал папа. — Сколько же ему стукнуло?" "Девять. — ответил я. — Теперь десятый пошел". "Ну что ж, — разрешил папа, — сходи, поздравь юбиляра".*

Сами авторы и их персонажи прямо или косвенно ведут с читателем диалог о вежливости, воспитанности, культуре, доброте и милосердии, которых так не хватает в нашей жизни. *Прямо с автобуса они поехали к маме Пелле Маленького и поблагодарили ее за то, что она устроила им такую чудесную поездку в Скансен. До чего же мама Пелле обрадовалась! Прямо растрогалась! Ведь все мамы и все папы бывают счастливы, если дети не забывают их поблагодарить.*

Полицейский остановил машину, и Маттиас вышел на улицу. "Маттиас, как я рада, что ты снова дома! — закричала мама. — Я так ужасно волновалась!" "Прости меня", — сказал Маттиас. Иногда, когда ему случалось особенно провиниться, он все-таки просил прощения ("Лето Маттиаса").

И я сбегал к Мишке. И когда вошел к ним, сказал: "Здрасьте!" Его мама мне не ответила, а сказала папе: "Видишь, какой воспитанный, не то что наш". ("Чики-Брык").

В анализируемых произведениях есть ситуации, где дети и взрослые ведут себя не так, как следует, например Пелле на своем дне рождения: *Тут настал черед торта. "Мне — самый большой кусок! А то, что останется, можете разделить между собой!" — властно и внушительно произнес Пелле. Ср.: "На вокзале". "Помогите, пожалуйста, донести чемодан", — сказала мама. "У нас самообслужива-*

ние", — сказал Рыжий. ("Запах неба и махорочки").

Встречаются и речевые ошибки у героев этих произведений.

Ученые, наблюдая за речью учащихся, классифицировали этикетные речевые ошибки и нарушения, разделили их на следующие виды (нетрудно заметить, что сама эта классификация условна):

1. Отсутствие этикетной формулы, которое, в свою очередь, включает: а) двустороннее отсутствие формул (и "пароля" и "отзыва"): *"Который час?" — "Я без часов";* б) отсутствие "пароля" (по телефону): *"Позовите Таню". — "Пожалуйста";* в) отсутствие "отзыва": *"Приходите к нам в гости". — ...*

2. Неудачный выбор этикетной формулы: а) с нормативно-языковой точки зрения (диалектные, просторечные, жаргонные выражения): *Покедова, Здравствуйте вам, Айда, обращения типа Эй, парень!, Бабка!* и т.д.; б) с экспрессивно-стилистической точки зрения (неверно найденная тональность общения), например, неуместная фамильярность, или, напротив, излишняя церемонность обращения к собеседнику; в) с функционально-стилистической точки зрения (например, формулы официально-делового стиля в дружеском письме: *Желаю тебе успехов в работе и счастья в личной жизни* или неуместные элементы разговорного стиля в официально-деловом письме и др.).

3. Неудачное звуковое оформление этикетной речи (например, общий нелюбезный тон речи, подчеркнуто равнодушная интонация, "проглатывание" этикетных формул типа *"здрась"* и др.).

4. Неудачное использование паралингвистических (внеязыковых) компонентов речевой деятельности — жеста, мимики, движения (например, приветствие старшего в небрежной позе, развалась, или выражение благодарности с неприветливым выражением лица и др.) [1, с. 70].

Сформулированы и методические принципы, на которые должна опираться система этикетного речевого воспитания, среди них:

1. Обучение речевому этикету должно строиться на системно-логической и системно-языковой основе.

2. Обучение этикетной речи должно строиться как обучение этикетному диало-

гу, т.е. осуществляться на коммуникативной основе. Единицей обучения должны быть не этикетная формула и даже не группа формул, а реальное языковое взаимодействие, диалогическое единство. Отсюда выбор методов и приемов обучения: анализ и построение диалога, включение диалога в связный текст, этикетная игра по разработанному учителем "сценарию" и др. (На это обращали внимание и другие ученые-психологи, лингвисты, методисты, такие, как А. А. Леонтьев, Н. И. Формановская, В. В. Одинцов, Т. А. Ладыженская, В. И. Капинос.)

3. Прививая учащимся навыки этикетной речи, учителю приходится решать задачу психологического порядка: воспитывать в детях готовность идти на компромисс, включаться в своего рода "игру", состоящую в обмене этикетными репликами. Ведь этикетные формулы стандартны и условны. Они употребляются как дань правилу, соблюдение которого обусловлено традицией. Беседы и задания, направленные на усвоение норм речевого поведения в той или иной ситуации общения, должны одновременно воспитывать в детях внимательное, доброжелательное и тактичное отношение к окружающим, разъяс-

нять значение таких отношений между собеседниками. Следовательно, обучая этикетной речи, мы обучаем речевой деятельности с особой психологической установкой: общаясь, думай о собеседнике, планируй его реакцию. Здесь учитель русского языка действует в большей степени как психолог и педагог, чем как словесник [1, с. 74].

Реальной помощью учителям в овладении культурой речи как важнейшим средством обучения, воспитания, развития учащихся должны оказать занятия по речевому этикету.

Конечно, навыки общения скорее приобретаются на практике.

Но не следует забывать и о художественной литературе — ведь это неисчерпаемая кладовая искусства общения. Анализ художественных произведений развивает у учащихся лингвистическое чутье, умение вникать в детали, оценивать значение отдельных языковых элементов, искать стилистические приемы, характеризующие творческую манеру писателя, определять экспрессивно-эмоциональные оттенки слов и фразеологизмов, синтаксических конструкций, помогает учиться быть собеседником, культурным человеком.

1. Богуславская, Н. Е., Купина, Н. А. Этикетные речевые ошибки и принципы обучения речевому этикету на уроках русского языка в школе: межвузовский сборник научных трудов "Детская речь и пути ее совершенствования". — Свердловск, 1989.

2. Винокур, Г. О. Избранные работы по русскому языку. — М., 1959.

3. Коткова, Н. Ф. Обучение речевому этикету // Адукацыя і выхаванне. — 2002. — № 7.

4. Кулибина, Н. В. Художественный текст на уроке русского языка: цели и методы использования // Русский язык за рубежом. — 1991. — № 2.

5. Ладыженская, Т. А., Сорокина, Г. И., Сафонова, И. Б., Ладыженская, Н. В. Детская риторика в рисунках, стихах, рассказах: методические рекомендации. Книга для учителя. — М.: Просвещение, 1995.

6. Львова, С. И. Язык в речевом общении: книга для учащихся. Факультативный курс. (8—9 класс). — М.: Просвещение, 1992.

7. Соколова, В. В. Культура речи. Культура общения. — М.: Просвещение, 1995.

8. Стернин, И. А. Улыбка в русском общении // Русский язык за рубежом. — 1992. — № 2.